

На правах рукописи

Пеннер Регина Владимировна

Цифровая идентичность как новая форма социального признания

Специальность 5.7.7. Социальная и политическая философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук

Саратов – 2024

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Научный консультант доктор философских наук, доцент Тихонова Софья Владимировна

Официальные оппоненты:

Чернавин Юрий Александрович, доктор философских наук, профессор, ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», профессор кафедры философии, социологии и истории.

Храпов Сергей Александрович, доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева», и.о. заведующего кафедрой философии, культурологии и социологии;

Платонова Светлана Ипатовна, доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет», профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин;

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Защита состоится 12 апреля 2024 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета 24.2.392.04 на базе ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» по адресу: 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. XII, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» и на сайте университета <https://www.sgu.ru/research/dissertation-council/24-2-392-04/doktorskaya-dissertaciya-penner-reginy-vladimirovny>

Автореферат разослан «___» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Малкина Светлана Михайловна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Человек как «политическое животное» (Аристотель) в контексте монументальной истории пребывает в перманентном габитуальном становлении. В доцивилизационный период он перешел от кочевничества к оседлости; в условиях четвертой промышленной революции и развитии хай-тек он вновь переходит к состоянию постоянного «блуждания», движется, согласно известной постструктуралистской метафорике, с «рифленных» поверхностей на «гладкие». Такому переходу способствует интернет и сама спецификация World Wide Web. Однако цифровое «кочевничество» с необходимостью не предполагает физического перемещения в географических координатах. Этот переход к номадическим практикам без физического перемещения в пространстве зафиксировали мыслители уже во второй половине XX столетия. Тогда были пересмотрены практики письма – в частности, было провозглашено, что место автора занимает скриптор. Тогда же под вопрос попали метанарративы (большие наррации), которые ранее воспринимались в качестве дискурсивных социальных скреп. В условиях цифровизации, распространения социальных медиа, на место метанарративов встают локальные, партикулярные истории отдельных субъектов, заявляющих, «выкрикивающих» о своем Я как в оффлайне, так и в онлайн.

Все это значительно перекраивает социальную ткань, трансформирует социальные время и пространство. Цифровые технологии переопределяют социальные практики субъектов, что подтверждается теориями технологического детерминизма (от глобальной деревни до медиатизации). Однако общество не является безмолвным реципиентом технологических трансформаций; оно определяет векторы и ориентиры технологического развития. Так, к примеру, информационно-коммуникационные технологии постепенно интегрировались в производственно-экономический уклад и систему образования; также эти технологии вошли в домохозяйства, значительно упростив повседневные рутинные дела.

Со второй половины XX столетия философы все чаще стали фокусировать свое внимание не на человеке, но на объектах природы и техники, по определению человеком не являющимися. Изначально подобное обращение произошло одновременно в нескольких направлениях: в попытке осмысления научных лабораторных практик с вынесением за скобки фигуры ученого; в отказе от европоцентризма и в становлении феминистских и постфеминистских исследований; в опыте своеобразного примирения человека с природой, сопровождающимся признанием агентного характера нечеловеческих феноменов.

Таким образом, на социальные арены вместе с человеком выступили акторы, актанты и агенты, носители неантропоморфной природы. В цифровой среде такими агентами стали цифровой субъект, цифровой двойник; агентные функции реализуют нейросети и чат-боты с алгоритмами глубокого обучения и самообучения. Претендуя на статус субъектов социальных практик, они вновь открывают вопрос о роли и месте социального субъекта в структуре социального целого. Онтологическая и гносеологическая стороны вопроса о социальном

субъекте были определены философами уже во времена Античности и Средневековья; социально-философский аспект, в свою очередь, до сих пор не проработан. К примеру, неразрешенной остается дилемма о том, личность или массы творят историю, что такое социальная толпа и что происходит с человеком, оказавшимся в ней.

Тематика цифровой идентичности высвечивает проблему субъекта в социально-философской рамке. Не каждый, родившийся человеком, может претендовать на статус социального субъекта. Тот, кто имеет права и несет ответственность за свои поступки, кто во взаимодействии с себе подобными отстаивает право на признание своего Я, будь то отдельный человек, группа лиц или даже актант-нечеловек, оказывается претендентом на статус социального субъекта. В цифровую эпоху к классическим субъектам, человеку и социальным группам, в этой борьбе подключаются иные, цифровые, актанты. Цифровая идентичность выступает своеобразной социальной ценностью, в том числе, ценностью признания (быть увиденным / услышанным, понятым / принятым Другим), за обладание которой и последующее ее признание Другим, вступают в борьбу новые актанты.

Степень научной разработанности темы. Проблематика идентичности человека представлена в разных ракурсах в историко-философских дискурсах. Генезис проблемы может быть обнаружен уже в идеях античных философов (Протагор, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики); однако вопрос об *identitas* оказывается в тени вопроса о человеке как таковом. В социально-философском дискурсе, в свою очередь, речь идет не обо всем спектре идентичностей социальных субъектов, а о т.н. социальной идентичности, которая традиционно применима в отношении к человеку. Категории идентичности, субъектности, самости и самоутверждения личности, несмотря на принципиальные различия, пересекаются в своем содержании. Так, проблема субъектности и идентичности обнаруживает свое разрешение в социально-психологическом дискурсе, в работах З. Фрейда, К. Юнга, Э. Эриксона, а также дескрибируется в философско-антропологическом ключе в работах С.И. Мозжилина. В свою очередь, В.И. Гладышев ставит в ряд с социальным признанием и социальной идентичностью самоутверждение личности, которое он интерпретирует в границах концепции компенсаторного общения.

Однако в работе нас интересует связь социальной идентичности с проблемой социальной субъектности, точнее, с вопросом о том, какую роль социальный субъект играет в контексте социальной динамики. Теоретико-методологическая рамка в аналитике социальной идентичности конструируется сквозь призму социальной субъектности, в том числе, через понимание интерсубъективной природы человека, что была поставлена в различных контекстах: философском (Аристотель, Г. Гегель, Э. Гуссерль), социально-психологическом (К. Тревартен, С.Б. Хрди, Д.Г. Стерн) и социально-критическом (М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас, А. Хоннет).

В основе исследования социальной субъектности и идентичности лежат теоретические конструкции разных поколений Франкфуртской школы. Ключе-

вым из них в рамках работы выступила теория социального признания А. Хоннета, определяющая логику социальной динамики в оптике понятия о борьбе социальных субъектов за признание, реализующейся на трех ключевых площадках, – в семье, праве и государстве. Концепция изложена А. Хоннетом в работе «Борьба за признание». Теоретической основой труда А. Хоннета выступили идеи Г. Гегеля об этической жизни общества и концепция социализации Дж.Г. Мида. А. Хоннет обращается к проблеме социального признания и связанного с ней социального устройства в своих актуальных исследованиях. Некоторые работы А. Хоннета переведены на русский язык. Среди них политико-философская рукопись «Идея социализма. Попытка актуализации», в которой автор предлагает проект «обновления» социализма «в соответствии с потребностями XXI века»; в статье «Мораль в "Капитале". Попытка пересмотра марксистской критики политической экономии» он обращается к идеям К. Маркса о морали в контексте коллективных действий и капиталистических практик для построения «практически ориентированной социальной теории»; наконец, в работе «Невидимость: об эпистемологии признания» А. Хоннет обозначает проблему признания в отношении к феномену невидимости, который реализуется в двух модусах, физическом и метафорическом. В свою очередь, в отечественном дискурсивном пространстве оформляются интерпретативные модели теории А. Хоннета (С.В. Тихонова, И.Н. Инишев, М.В. Заковоротная, В.А. Копанева) и кейсы, анализ которых реализуется в оптике признания (М.А. Корецкая, Е.И. Рассказова, М.Н. Красильникова, Дж. Недельски).

В процессе исследования был задействован широкий спектр научной и философской литературы, а также художественные произведения и сетевые ресурсы по обработке поисковых запросов. Анализ социально-философских исследований дает основание для вывода о том, что темы цифровой эпохи, социальной и цифровой идентичности человека и актантов-нечеловеков, а также механизмы их конструирования, управления ими (в цифровой среде речь идет преимущественно об управлении цифровыми отпечатками, следами, виртуальными образами) рассматриваются по отдельности, но сравнительно мало осмыслены в синтезе. Обозначенная **проблема** указывает на отсутствие в корпусе научных (прежде всего, социально-философских) исследований системного подхода к вопросу о цифровой идентичности социальных субъектов.

На рубеже XX-XXI вв. в тематике социально-гуманитарных исследований наблюдается сдвиг с проблем информатики и информационных технологий к вопросам о цифре и цифровом. Составители и авторы первой хрестоматии по Digital Humanities (с англ. – цифровые гуманитарные науки) зафиксировали переход от информационных технологий и гуманитарной информатики к цифровым технологиям и цифровой гуманитаристике. Речь идет не только о растущих в геометрической прогрессии объемах информации и прикладных вопросов о том, как эту информацию каталогизировать и обрабатывать. Речь о чем-то более масштабном, о смене эпох, о переходе общества из информационной в цифровую эпоху.

С конца XIX в. мыслители обосновывали подобные переходы, в том числе, сквозь призму отношений социума и техники. Специфика их взаимодействия и взаимовлияния может быть представлена в биспектральном режиме, где на одном краю спектра размещается социальный, а на другом – технологический детерминизм. Окончательное формирование обозначенных направлений произошло уже в XX в. В частности, М. Маклюэн является представителем технологического детерминизма; его работы заложили основу для последующей теоретизации медиа. Он интерпретирует медиа в двух режимах: в режиме органопроекции – как продолжение человека, и социотехнической трансформации – как «месседж», само сообщение, определяющее коммуникативную модель, оформляет конкретный тип культуры. С опорой на идеи М. Маклюэна отечественный культуролог Н.Б. Кириллова ввела в научный дискурс новую дисциплину, медиалогию.

В логике технологического детерминизма также оформились концепции медиации и медиатизации. Согласно первой из них, медиа влияют на практики памяти, запоминания и воспоминания, а в перспективе – на физиологию человека, специфику функционирования его мозга (Й. ван Дийк). Сторонники теории медиатизации, в свою очередь, рассматривают медиа как причину трансформации практик коммуникации и социальной динамики в целом. Среди флагманов теории – А. Хепп, Н. Коулдри, С. Хьярвард. Интерпретация логики функционирования медиа привела А. Хеппа и Н. Коулдри к идее о т.н. «волнах медиатизации», согласно которой медиа являются ключевым фактором социальной динамики. В этой логике реальность обозначается в качестве «четвертой волны», как эпоха «датификации», которая предполагает оперирование большими объемами информации. С этой идеей консонирует концепция четвертой промышленной революции К. Шваба, прочитывающая цифровые технологии как причину кардинальных преобразований в обществе.

В паритетной позиции по отношению к двум граням спектра понимания социальной динамики располагается STS, направление исследования науки, техники и общества, полагающее взаимное влияние между ними. В русскоязычное дискурсивное пространство STS вошли только в начале XX в. и сегодня занимают место в социальной философии (А.А. Писарев), социологии науки и техники (О.В. Бычкова) и философии науки (И.Т. Касавин, Л.В. Шиповалова). Также образы науки, ученого с позиции экзистенциального подхода и экзистенциального среза в бытии современного человека находят выражение в трудах социальных философов С.А. Маленко и А.Г. Некиты. По оценке Дж. Вайсман, техника уже встроена в современное общество; она оказывает значительное влияние на трансформации в обществе, но не предопределяет социальное развитие. Вокруг этого тезиса выстраивается содержание ее исследования о трансформациях социальной онтологии в цифровую эпоху. Стремление к дискреционному, все более ускоряющемуся времени есть результат социотехнического курса, что порождает общество, не техника. В этом социолог принципиально расходится со сторонниками идеи технологической

сингулярности (например, Р. Курцвейл), убежденных в том, что векторы будущего человеческой цивилизации будет задавать именно техника.

В контексте исследования особую важность имела идея даже не столько цифровой эпохи, сколько общества, в контексте этой эпохи существующего. Признанным пионером, обратившимся к цифровой призме в исследованиях общества, является М. Кастельс. Его работа «Галактика Интернет», впервые изданная в 2001 г., до сих пор сохранила статус некой базовой разметки в рамках Digital Humanities. В начале XXI в. М. Кастельс позиционирует интернет как меритократическое пространство, где власть находится в руках его разработчиков. Однако в первой четверти XXI столетия, очевидно, произошла значительная перемена: в интернет зашли и основательно там обосновались массы людей. Это обстоятельство, с одной стороны, привлекло внимание исследователей к эскапистским практикам, связанным с сетью (Е.О. Труфанова), с другой, позволило исследователям пересмотреть феномен «толпы». Вдохновившись классическим концептом толпы (Г. Лебон, Г. Тард), Г. Рейнгольд концептуализировал идею «умной толпы», которая посредством мобильных гаджетов сама становится мобильной и гибкой, а главное, стремительно овладевающей основами цифровой грамотности. Сегодня эта идея разрабатывается зарубежными (Дж. Кларк, Т. Брейзек, С. Аль-Хатиб, Н. Агарвал) и отечественными авторами (Д. Биляева, В. Лобатюк, А. Рубцова, Л. Ребрина, Н. Шамне, М. Милованова, Е. Малышко), которые на основании количественных исследований выражают тезис о том, что пользование новейшей техникой для реализации протестных или развлекательных акций есть то, что делает толпу умной. В свою очередь, М. Уорк пересмотрела стратегические позиции субъектов на кибернетизирующихся социальных аренах, утвердив класс векторалистов как тех, кто обладает властью на средства информационного производства.

Особое внимание в исследовании было уделено динамике цифровых технологий. Эта динамика была продемонстрирована, прежде всего, на примере трансформации интернета, от “web 1.0” к “web 2.0” (Т. О’Рейли), “web 3.0” (Дж. Калаканис) и его последующим модификациям, что, в том числе, зафиксированы в термине “web 4.0” (А.Н. Фортунатов, Н.Г. Воскресенская). Также в актуальных социальных реалиях растет интерес к феномену т.н. “Big Data”, что отражено в исследованиях С. Артемова, К.А. Алексеева, Ю. Гезгина, коллектива исследователей из Китая (Ф. Мэн, С. Лю, Ф. Мэн, С. Ли) и др. Среди прочего, технико-технологические трансформации оказывают влияние на социальные, в том числе, коммуникативные практики социальных субъектов, формируют специфическое взаимодействие субъектов – опосредованную коммуникацию. Условием эффективности опосредованной коммуникации выступают слабые социальные связи. Теорию слабых связей предложил М. Грановеттер. В ней он продемонстрировал отношения между микровзаимодействиями (партикулярные отношения между субъектами) и макрофеноменами (социальные трансформации).

С.В. Тихонова и Д.С. Артамонов последовательно раскрывают цифровую тематику в современном философском дискурсе. В совместной книге и отдель-

ных статьях, в числе прочего, авторы отвечают на вопрос о влиянии интернет-сетей на властную вертикаль. Исследования резюмируются тезисом о том, что интернет не внес значительные коррективы во властные отношения, однако произошло т.н. «мягкое обрастание» властной вертикали горизонталями сетей. Потому акторы макроуровня вышли на прямую связь с акторами микроуровня. К подобным выводам в исследовании wiki-правительства пришла Б.С. Новек. Тем не менее, результаты ее работы выглядят более радикально: управленческая модель wiki должна быть реализована в меритократической разметке, когда власть, в том числе, политическая, потенциально открыта каждому; в удаленном режиме реализуют ее те, кто обладает уникальными компетенциями. В свою очередь, М.А. Корецкая ставит под вопрос эту радикальную модель, фиксируя вектор уклонения от власти в качестве вероятного ответа на трансформации сетевой среды.

Из всего пула тем и идей цифровой тематики наиболее близкой проблеме идентичности в цифровую эпоху является идея цифрового субъекта. Согласно данным из международных баз данных, тематика цифрового субъекта появилась на страницах научных изданий уже в 1920-е гг. (Л.К. Портер, Ж.Ф. Придо), но антропологическую оптику она обретает только на рубеже XX-XXI в., прежде всего, в дискурсе библиотекведения (Дз.-И. Лин, О.Л. Завалина). О. Горюнова разрабатывает идею цифрового субъекта как конструкта, который оформляется по цифровым следам социального актанта и, вместе с тем, «вдохновляется» идеальным субъектом (моделями, что распространяются маркетологами по сети интернет и за ее пределами). Проблему цифрового субъекта развивают также отечественные исследователи в размышлении о трансформациях дискурсов власти в цифровом пространстве (Д. Гавра, В. Декалов, К. Науменко). Зарубежные исследователи ставят эту проблему в контексте изменения физиологии человека в цифровой реальности (Ф. Тадж, М. Кляйн, А. ван Халтерен, Э. Хеклер, С. Мичи, М. Павел, Д. Спруйт-Мец и др.), в рамках пересмотра понятий «субъект», «объект» и «интерсубъективность» в условиях цифровых технологий (А. Спан), в постановке вопроса о том, как цифровые данные влияют на поведение человека (С. Уорк, П. Агре, Г. Альбертс, М. Вент, Р. Янсма). Самостоятельные блоки исследования посвящены проблеме цифрового кочевничества, идущей от идеи номада в прочтении Ж. Делеза и Ф. Гваттари (А.А. Шумилова, Г.А. Окушова, М.Р. Арсентьева, И.В. Гужова, А.В. Шляков), а также феномену цифровых двойников в медицине (К. Брюнсильс, Ф. Сантони де Сियो, Дж. ван ден Ховен, М. Браун) и промышленности (М. Гривс, Дж. Викерс, Д. Джонс, К. Снайдер, А. Нассехи, Дж. Йон, Б. Хикс и др.). Наконец, одна из ключевых проблем работы – проблема цифровой идентичности, – была сформулирована с опорой на следующие идеи: дифракция человека (Р. Барт), клиповое сознание (Ф.И. Гиренок), нарративная идентичность (П. Рикер, Х. Арендт), сетевая идентичность (А.А. Лисенкова, Е.О. Труфанова, Ж.Р. Сладкевич, С.И. Платонова), а также партикулярные идеи о цифровой идентичности (Ю.А. Чернавин, К. Салливан, А. Бедуши, А. Мартин).

В сравнении со многими темами и проблемами цифровой эпохи, проблема идентичности человека активно обсуждается в научных трудах. В частности, Е.Г. Трубина – один из первых отечественных исследователей, обратившихся к теме идентичности человека как философской проблеме. По мнению Е.Г. Трубиной, тема персональной идентичности вошла в философский дискурс в эпоху Нового времени. В это время происходит формирование субъекта нового типа, обладающего экономической свободой, политическими правами и ответственностью.

Вместе с тем генезис проблемы идентичности лежит за пределами социальных пространств, в сфере математических штудий (Дз. Чжао, Г. Ву, Ф. Го, Т. Ким, Д.С. Ким, Э.С. Син, Т.Т. Наинг). Позже идея идентичности обосновывается в социально-психологическом (Э. Эриксон, Д. Соллбергер, К.Р. Йоргенсен, Г. Глас), неврологическом (Ф. Бейлис, К.П. Тобиа, В. Гланнон, К. Инейхен) и философском (Р. Родоньо, К. Маккензи, К. Аткинс, М. Шехтман) дискурсах. Тема социальной идентичности человека также не нова для русскоязычных философских исследований. К примеру, А.О. Лемпий обозначил кризис социальной идентичности в условиях изменяющейся цифровой реальности. Е.Г. Ефимов и Д.А. Устюжанина провели качественное исследование социальной идентичности пользователей социальных сетей. Г.Л. Тульчинский, в свою очередь, рассматривает проблему идентичности человека в контексте цифровизации современной культуры и общества. Он заключает, что в трансформирующейся реальности человек в нарастающей степени уподобляется машине, что открывает перед философами ряд антропологических вопросов.

Оригинальное исследование идентичности разрабатывает Ф. Фукуяма в контексте анализа практик признания и политики неприятия. Во введении к работе американский философ оперирует понятием «тимоса», заимствованным у Платона. Ф. Фукуяма утверждает изотимию и мегалотию как вечные практики, которые использует человек для оптимизации своего существования в обществе. В трансформирующейся цифровой реальности происходят видимые изменения в практиках того, как Я себя осмысляет и позиционирует. С этим тезисом перекликаются идея о социальных и экономических пертурбациях, провоцирующих модификации идентичности (З. Бауман), и проблема национального вопроса (С. Хантингтон, П. Бьюкенен).

В контексте исследования социальная идентичность была интересна не как таковая, но в ее связи с цифровой реальностью и в процессе трансформации в цифровую эпоху. Однако это не отменяет принципиальной значимости проблематики социальной идентичности вне технологической рамки. В частности, определенный интерес представляет работа Ю. Хабермаса «Философский дискурс о модерне» как оплот доцифрового в понимании социальной идентичности человека. В анализе модерна философ обратился к фигуре субъекта и к идее субъектности, что одновременно были порождены эпохой и конституировали ее. Основателями и классиками видения человека как разумного субъекта были И. Кант и Г. Гегель; противниками идеи, кто стоял на пути пересмотра проекта «монологического разума», были Ф. Ницше, М. Хайдеггер и Ж. Батай. В свою

очередь, М. Фуко разрабатывал герменевтику социального субъекта, в том числе, сквозь призму практик заботы о себе.

В конце XX в., в тех условиях, когда представляется, что только турбулентность осталась стабильной (как стабильный источник дестабилизации общества), картина человека и его идентичностей вновь претерпела значительные изменения. На смену субъекту пришли социальный конструкт (П.Л. Бергер, Т. Лукманн), постчеловек (Р. Брайдотти), киборги (Д. Харауэй), виды-компаньоны (А. Цин), агент (К. Барад), чужие (С. Шавиро), актанты сети (Б. Латур, Дж. Ло), наличные / подручные инструменты (Г. Харман), индивиды (М. Деланда) и единицы (Я. Богост). К примеру, Ф. Феррандо, одна из основателей Постгуманистической исследовательской группы Нью-Йорка, развивает концепцию постгуманизма, которая в актуальных социальных реалиях способна выступить в качестве «философии медиации, изучающей смысл человека не в отрыве, а в связи с технологией и экологией». Сегодня реализуется интеграция новых социальных персонажей в отечественный философский дискурс, что находит подтверждение в работах А.В. Павлова, А.А. Писарева, А. Ветушинского, Д.С. Артамонова, С.В. Тихоновой, В.Г. Косыхина, В.С. Вахштайна. В свою очередь, применение объектно-ориентированного подхода обеспечивает понимание специфики новых социальных персонажей (О.В. Головашина). Если в эпоху модерна человек хоть и не был посажен на трон бытия, но в перспективе это место рассматривал, то сквозь постантропологическую призму человека ставят в один ряд с животными, ландшафтом, а также артефактами и технологиями. Социальное видение человека расфокусировано сетью, в которой он выступает в роли проводника (пассивное, определяющее сеть целое) или посредника (активная, подключающаяся или встраивающаяся в сеть единица).

В условиях, когда социальные арены заполняются актантами-нечеловеками, отчетливее звучат вызову человеку, в том числе, в контексте формирования им цифровой идентичности. Сквозь оптику этой проблемы встраивают свои исследования отечественные философы, чей научный интерес, с одной стороны, реализуется в направлении социальной мифологии (А.Г. Иванов), с другой стороны, располагается на пересечении социальной философии и философии образования (А.Д. Урсул, С.А. Храпов, Л.В. Баева, Ю.А. Чернавин, С.В. Борисов, А.А. Дыдров). Г. Биеста, в свою очередь, предлагает практики субъектификации как вариант созидания свободного, рефлексивного и самостоятельного социального субъекта.

Таким образом, мы наблюдаем серьезную трансформацию социального, когда техническое и технологическое все больше доминирует над природным. Эта трансформация порождает новые пространства, с ними – новые риски. Сущность и специфика трансформаций, в том числе, в контексте рискогенности, обозначена в работах представителей философской школы Саратовского государственного университета (В.Б. Устьянцев, А.В. Рязанов, В.Г. Косыхин, Ю.М. Дуплинская, В.А. Фриауф, С.М. Малкина, В.П. Рожков,

О.Ф. Филимонова, М.А. Богатов, М.О. Орлов, И.В. Стеклова, Е.В. Листвина, О.М. Ломако, И.Д. Невважай, Е.В. Рягузова).

Анализ степени разработанности темы и совокупности связанных с ней проблемных вопросов позволяет сделать вывод о том, что проблема социально-философской концептуализации цифровой идентичности косвенно обозначалась в различных исследованиях. Социальная идентичность человека значительно корректируется в цифровых условиях. Субъект уступил место агенту, актору, актанту социальных практик, идентичность которых, как правило, подвижная и текущая. Более того, актанты-нечеловеки в актуальных социальных реалиях все чаще претендуют на статус субъектности. Все это обуславливает необходимость концептуального социально-философского осмысления идентичности человека и актантов-нечеловеков, пути их конструирования, и понимание той цифровой эпохи, в рамках и с учетом технологий которой цифровая идентичность презентуется; формирование системного подхода, в рамках которого реализуется постановка и разрешение проблемы социального субъекта в цифровую эпоху. Формирование такого подхода образует проблемное поле данного исследования.

Объектом исследования является признание, раскрывающееся в системе отношений социальных субъектов.

Предметом исследования выступает феномен цифровой идентичности в контексте социального признания.

Цель исследования – обосновать концепцию цифровой идентичности как новой формы борьбы за социальное признание, фиксирующую активную социальную позицию классических и неклассических социальных субъектов.

Достижение поставленной цели требует последовательного решения следующих **задач**:

1. Осмыслить идею интересубъективности в контексте социально-философских концепций.
2. Раскрыть существенные и специфические признаки социального признания в философской интерпретации.
3. На основе наукометрического анализа выявить узловые проблемы, связанные с идентичностью как социальным феноменом.
4. Обозначить особенности развития медиа и медиатехнологий в контексте социальной динамики.
5. Концептуализировать идеи медиатизации и сформулировать ее основные теоретические положения.
6. Обосновать социальную сущность и специфику цифровых технологий в контексте динамики медиа.
7. Проблематизировать концепцию субъектности и идею кризиса социального субъекта в оптике философии модерна.
8. Определить концепты агентности, акторности и актантности как альтернативы концепту субъектности в социально-гуманитарных дискурсах.
9. Установить специфику использования идей субъектности и агентности в цифровом контексте.

10. Ревелировать концепцию цифровой идентичности как формы презентаций цифровых субъектов.

11. Экспонировать проблематику референтно-проекционных отношений между социальным субъектом и его цифровыми копиями.

12. Проанализировать контексты, формы и варианты практик конструирования и реализации цифровой идентичности.

Методология и методы диссертационного исследования. В процессе диссертационного исследования были использованы формально-логические методы общенаучного типа – анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, мысленное моделирование, идеализация и классификация. Эти методы позволили как акцентировать внимание на отдельных сторонах предмета исследования, так и обобщить разрозненные явления, цифровую эпоху и цифровые технологии, социальную идентичность и социальное признание, интегрировать их в единое проблемное поле и представить как сеть взаимосвязанных идей, понятий и практик.

Помимо обозначенных методов в исследовании реализован спектр научных подходов. Применение системного подхода позволило концептуализировать феномен идентичности как целостный социальный феномен, преобразующийся в ответ на социальные трансформации, в связи со сменой ключевых социальных агентов.

С помощью аксиологического подхода внимание было акцентировано на уникальности и многообразии социальных практик, организуемых человеком; на проблеме переноса понимания и доверия в контексте цифровой коммуникации. В исследовании также применялись элементы диалектического подхода: речь идет, прежде всего, о диалектике социального субъекта как одновременно активного и пассивного (ведомого) агента социальных практик; единстве его индивидуального и коллективного начал, его интересубъективной природе; о диалектике онлайн и оффлайн в социальных практиках субъекта; о различии социального субъекта как реального и цифрового.

В исследовании синтезированы методологии классической, неклассической и постнеклассической рациональности для концептуализации идентичности, субъектности и социального признания в широком социокультурном контексте. Проблема идентичности на определенном уровне разрешалась теоретическим и методологическим аппаратом классической и неклассической рациональности, но обостряется в контексте постнеклассической научной рациональности, в условиях трансформации социальной субъектности. Анализ постнеклассических форм субъектности (акторность, актантность, агентность) был проведен с применением принципа системности, позволившего определить их в рамках социального целого.

Методологической основой диссертационного исследования является постантропологический подход, позволяющий переосмыслить фигуру социального субъекта и специфику его взаимодействий. Данный подход позволяет легитимировать положение различных агентов наряду с классическими социальными субъектами. Посредством постантропологической оптики в исследовании

формулируется концепция цифровой идентичности, раскрывающая сущность и специфику интеракции классических и неклассических субъектов.

В диссертационном исследовании постантропологический подход осуществляется с ориентацией на концептуальные положения акторно-сетевой теории. Она принципиально изменяет социально-философскую оптику и, в частности, взгляд на социальное как на множество сетевых взаимодействий. Становление этой теории стало возможным в логике социальных исследований науки и технологий, переосмысляющих общественную динамику и ее детерминанты.

Концептуализация феномена цифровой идентичности предварялась применением категориально-понятийного аппарата критической теории, позволившей представить новые цифровые феномены и специфику их взаимодействия в социально-философских понятиях и терминах. Принципиально значимыми из них являются понятия субъектности, интерсубъективности, признания и социальной борьбы.

Анализ феноменов социальной идентичности, цифровых технологий, цифровых субъектов и агентов, а также процесса цифрового двойничества был осуществлен по методам контент-анализа и аналитики поисковых запросов (С. Стивенс-Давидовиц¹). Подобная работа с большим массивом научных документов позволила выявить ключевые паттерны в понимании функционирующих социальных и цифровых феноменов. Среди прочего, с целью выявления наиболее распространенных маркеров в отношении цифровых технологий, внимание было сфокусировано на сетевом контенте (социальные сети, форумы и чаты, блоги и т.д.), который был проанализирован посредством инструментов с функцией аналитики данных, “Google Trends” и “Wordstat”.

Научная новизна исследования. Основные результаты исследования, определяющие его новизну, заключаются в следующем:

1. Идея интерсубъективности осмыслена в контексте социально-философских концепций как возможности и способности субъекта выходить за границы своего Я с целью формирования понимающей картины мира и выстраивания адекватной ей (картине) поведенческой модели, конституирующейся отношением Я – другой субъект. В современных социальных теориях тема интерсубъективности разрабатывается разными направлениями и школами. Среди них выделяется Франкфуртская школа, представители которой интегрировали интерсубъективность в контекст размышлений о нормативной базе и кризисах современной культуры.

2. Раскрыты сущность и специфика социального признания в философской интерпретации. Признание представлено как индикатор социальной природы субъекта: человек становится правомочным субъектом общественных практик, когда получает признание от Другого; кроме того, признание субъектом других является необходимым минимумом в его интерсубъективном, групповом взаимодействии. Содержание понятия социального признания раскрыто

¹Stephens-Davidowitz, S. (2014). The cost of racial animus on a black candidate: Evidence using google search data. *Journal of Public Economics*, 118, 26-40. doi:10.1016/j.jpubeco.2014.04.010.

с опорой на хоннетовскую теорию, в которой признание представлено в качестве основания в понимании динамики социального развития, реализуемой (динамика) в логике борьбы разных социальных групп за определенный статус и конкретное положение в социуме.

3. Проведен анализ проблемы идентичности как социального феномена. Под социальной идентичностью в работе понимается сохранение и воспроизводство единства ценностей, самосознания и деятельности субъекта в контексте трансформации внешнего мира. В рамках исследования были использованы данные отечественных и зарубежных научных трудов, представленных в российской и международных базах данных. По результатам анализа данных выявлено, что в современном научном дискурсе проблематика идентичности, прежде всего, субъекта, представлена достаточно широко. Особую значимость имеют дискурсивные рамки, в которых идентичность понимается как термин и концепт. В исследованиях последних лет идентичность все чаще фигурирует в т.н. техническом дискурсе. Техническая трансформация реальности, с одной стороны, катализирует запрос на осмысление человеком новых феноменов и инструментов, встроенных в повседневность; с другой стороны, проблематика идентичности выходит из непосредственно философского контекста и встраивается в новые технико-технологические рамки.

4. Сквозь призму динамики технологического развития представлена ретроспектива становления медиатехнологий. Обозначено, что точкой отсчета в этом становлении можно считать создание телеграфа, который дефинируется как продолжение тела. Актуальными технологиями в коммуникационном аспекте выступают электронный сигнал и медиа.

5. Концептуализированы современные идеи в исследованиях медиа, медиация и медиатизация. Медиация фиксирует присутствие медиума в реализации индивидуальных и коллективных социальных практик. Медиатизация фокусирует внимание на медиа, ставших важнейшим (доминирующим) посредником в актуальных коммуникативных практиках. Современные, цифровые, медиа обладают широким социокультурным резонансом. Это позволило немецкоязычному термину, указывающему на связь между современными медиа и социальными трансформациями, закрепиться в Media Studies.

6. Обоснованы сущность и специфика цифровых технологий в оптике STS-подхода, согласно которому техника понимается не только как социоформирующая сила, но также как социальная единица, детерминированная актуальным социальным контекстом. Результируются данные аналитики цифровых технологий – интернета, больших данных и искусственного интеллекта, – которые в наибольшей степени коррелируют с тематикой исследования.

7. Проблематизирована концепция субъектности с опорой на различные философские дискурсы. Утверждается, что идея субъектности и проблематика социального субъекта исторически связаны с осмыслением человека своего Я и пониманием места в структуре социального целого, обретением социальных прав и несением ответственности за свои действия. В современных социально-гуманитарных исследованиях симультанно, наряду с человеком, на

статус субъектности претендуют иные актанты, в частности, искусственный интеллект и нейронные сети, что фиксирует кризисность положения классического социального субъекта.

8. Определены концепты агентности, акторности и актантности сквозь теоретико-методологическую призму постгуманистической и акторно-сетевой теорий, объектно-ориентированной онтологии. Используется и концептуально уточняется т.н. «квир»-оптика, согласно которой на социальную авансцену вместе с человеком становятся агенты, акторы и актанты, не обладающие человеческой природой. В результате, антропоцентрические позиции в понимании природы социального сменяются позициями антропоморфистскими.

9. Установлена специфика перехода социальных субъектов и агентов в цифровую среду. Обоснован тезис, согласно которому феномен перехода не транспарентен. Наиболее очевидно это представлено в идее цифрового субъекта. В ней заложен проблемный вопрос о границе, где заканчивается непосредственно социальный субъект и начинается его цифровая / информационная копия, которая со временем обретает определенную автономию в сети интернет.

10. Сформулирована авторская концепция цифровой идентичности, базирующаяся на несущей конструкции социального признания; в данном контексте проблематизирована идентичность цифрового субъекта. Обосновано увеличение спектра возможностей для самопрезентации социального субъекта в различных сетях, зафиксированные, в частности, в идеях слабых социальных сетей и умной толпы. Автор аргументирует позицию, согласно которой тенденция увеличения удельного веса информационных массивов и проблема их статуса существенно усложняют процесс борьбы за социальное признание, в который наравне с человеком и социальными институтами включаются информационные агенты.

11. Экспонирована проблематика референтно-проекционных отношений между социальным субъектом и его цифровыми дубликатами. В контексте четвертой промышленной революции и Индустрии 4.0 обостряется проблема «дублирования»: в качестве дубликатов выступают конкретный товар, промышленный агрегат, индустриальная система, а также тело человека в контексте медицинских практик и трансгуманистических идей. На примере цифрового двойничества утверждается тезис о том, что социальный субъект совершает переход в качественно иное, еще не отрефлексированное и научно не осмысленное состояние.

12. Проанализированы цифровые технологии, под влиянием которых оказывается весь спектр социальных практик человека, меняются способы и формы его существования. Индивид и социальные институты оказываются не готовыми к тем трансформациям, что ведут за собой новые техника и технологии. Человека как базовую социальную единицу нужно подготавливать к принятию технологического нового и адаптации этого нового в свои повседневные практики. Отсюда обращение к образовательному дискурсу, который нацелен на формирование субъектности в среде обучающихся; и к дискурсу программистов, в рамках которого реализуется разработка новых социальных актантов

(например, чат-ботов и нейросетей), которые постепенно выходят из алгоритмической рамки посредством глубокого обучения.

Положения, выносимые на защиту:

1. В социально-философской оптике, человек реализует именно человеческую природу в условиях интерсубъективности, т.е. исключительно в условиях связей с другими, в том числе, с другими людьми и общественными институтами. В современных социальных теориях идея звучит в трудах разных поколений Франкфуртской школы. В текстах представителей первого поколения школы тема интерсубъективности интегрирована в разные контексты, в том числе, в идеи о кризисности политических режимов и массовизации культуры. Это было связано с включением в культуру и последующей трансляцией политических и экономических идеологием. В трудах второго поколения школы тема интерсубъективности разрабатывалась в контексте коммуникативного акта. Интерсубъективность при этом связывалась со свободным межличностным взаимодействием. Однако наиболее выпукло, оперируя соответствующими категориями, идея интерсубъективности встроена в хоннетовскую теорию. В ней социальное структурировано в контексте признания. Концепт признания, в самом общем виде, фиксирует специфический тип отношений Я – Другой. История общества может быть представлена и осмыслена в рамке социальной борьбы, органически связанной с практиками признания Я Другим.

2. В контексте социального признания человек представлен как субъект социальных практик, субъектность которого утверждается в видении и последующем признании его Другим. В работе понимание социального признания выстраивается на базе хоннетовской теории, которая представляет собой трехчастный конструкт и основывается на концептах самоуверенности, самоуважения и самолюбии, выражающих специфику бытия субъекта в трех различных контекстах, семейном, правовом и в контексте социальной общности. Два последних очерчивают границы действия т.н. моральной грамматики. Социальная борьба инициирована отсутствием или недостатком признания у отдельных общественных групп; она порождает новые форматы идентичности, за признание которых выступают отдельные субъекты и социальные группы. В контексте логических отношений понятия социального признания и идентичности не тождественны, но пересекаются. Пересечение возникает там, где социальный субъект, идентифицировав свое Я, вступает в социальную борьбу с другими субъектами с целью, чтобы это Я признали и они. Социальное признание поэтому можно дефинировать как причину, процесс и результат деятельности социального субъекта по отношению к партикулярному Другому или множественным другим, социальным субъектам, направленную на то, чтобы Другой признал Я социального субъекта. При этом не важно, в каком контексте это признание реализуется, в трудовых, властных отношениях между субъектами или в отношениях экзистенциальной близости, любви. В хоннетовской теории социальное признание реализуется во взаимодействии классических социальных субъектов, человека и социальных групп. Однако в исследовании принципиальным становится то, что в систему отношений по типу признания наравне

с классическими социальными субъектами включаются агенты, не обладающие человеческой природой (в цифровом контексте этими агентами становятся техника и данные).

3. В современной социальной философии по вопросу о социальной идентичности особую позицию занимают философы-постмодернисты. Прямо или косвенно они обращаются к человеку как к автору и одновременно продукту культуры постмодерна. Согласно некоторым идеям постмодернистов, авторство следует поставить под вопрос. С другой стороны, концептуализируя текучесть действительности, постмодернисты «снимают» проблему идентичности человека. Обе позиции весьма радикальны и спорны. Безусловно, содержание и формы современной (в особенности, цифровой) культуры создают поток, в котором субъект вынужден двигаться. При этом следует не упускать из вида, что у субъекта было и остается рефлексивное мышление, вопрошающее, в том числе, о месте Я в мире. Как показал анализ материалов отечественных и зарубежных исследований, тема идентичности не ушла из научного дискурса, преимущественно социально-гуманитарного, несмотря на «пророчества» философов-постмодернистов. Вместе с тем, феномен идентичности в некотором смысле «технизруется». Можно выделить два вектора в этом процессе: вовне – идентифицируются цифровые системы и гаджеты, которыми пользуется субъект в своем повседневном бытии; вовнутрь – трансформируется идентичность человека в цифровом мире. Современные медиа, прежде всего, социальные сети предоставляют пользователям новые возможности для создания нарративов о своих Я посредством текста, фото- и аудиовизуальных материалов.

4. Динамика развития технологий результировалась возникновением интернета, мощного медиаканала, сопоставимого с традиционными средствами массовой информации – газетой, радио и телевидением, – объединяющего текстовый, аудиальный и визуальный форматы репрезентаций. Автор утверждает, что в сегодняшних реалиях сеть играет роль аттрактора, оттягивающего внимание с традиционных СМИ. Анализ идей первых концептуалистов дал основание для обобщенной дескрипции медиа как медиума, т.е. средства и канала коммуникации. Аргументируется, что медиатехнологии совершали движение от «мегатренда» аудиальной культуры к визуальной и наоборот. Они объединяют людей, разрывают границы в классическом представлении о пространстве и времени. Медиатехнологии оказывают комплексное влияние на человека как субъекта социальных практик; через человека медиатехнологии перекраивают социальную ткань, внося изменения в темпоральные практики, практики коммуникации, памяти и власти.

5. Социальная ткань XXI в. интегрирует множество медиумов. Каждый из них обладает различной скоростью передачи информации и радиусом охватываемых аудиторий. Сегодня невозможно говорить о существовании гомогенного медиaprостранства; разговор возможен о сосуществовании разных информационных источников, среди которых в последнее время доминируют те, что обладают цифровой природой. Медиа как средства массовой информации появились задолго до возникновения электрического сигнала. Различные

формы опосредованного контакта с внешним миром сопровождают человека с момента существования первых инструментов. В частности, этому посвящены идеи авторов концепции медиатизации. Эту концепцию можно представить следующими общетеоретическими положениями: современные коммуникативные практики опосредованы; сегодня представлен широкий спектр медиумов, от книги, радио- или телевизионного сигнала, до цифровых гаджетов; современные медиа имеют широкое социокультурное влияние. С одной стороны, сложившуюся ситуацию можно рассматривать с позиции сближения разных культур (на примере концепции медиатизированных миров); с другой стороны, это позволяет выявить манипулятивные механизмы в политике т.н. культуры-«гегемона» (на примере концепции connectification). Несмотря на одномоментное сосуществование многих медиа, в разные исторические периоды доминируют конкретные медиа, которые оказывают влияние на вектор развития культуры и общества. Сегодня это цифровые медиа, развивающиеся в логике Big Data.

6. Цифровая техника и технологии в XXI в. выполняют функцию медиатора, посредника между социальным субъектом и внешним миром. Критерий эффективного функционирования медиатора заключается в соответствии потребностям социального субъекта и актуальным запросам общества. Техника и технологии развиваются в неразрывной связи с обществом, отвечают его социальным потребностям и требованиям. Ярким примером подобного взаимодействия является интернет, трансформировавший коммуникативные практики субъектов и внесший существенные коррективы в бытовые и рабочие процессы. Эти трансформации проблематизируются феноменом «ускоряющегося» времени и обостряют вопрос о возможности гражданской свободы в условиях цифрового капитализма. Вне зависимости от ответа на поставленный вопрос, техника в современных реалиях является значимым социальным актантом, воздействующим на специфику общественного бытия.

7. Идея субъектности фиксирует положение человека в качестве правомочного участника социально-политических процессов. Однако процесс утверждения человека в статусе субъекта в оптике философской традиции не является новым. В эпоху Просвещения субъект в концептуальной матрице идей об Абсолютном Духе конструирует социальный, политический и экономический контексты индивидуального и коллективного бытия. В XIX в. социально-политическая машина субъектности, функционирующая по принципам рациональности, дает сбой; на этом основании провозглашается возвращение к балансу рационального и иррационального начал в субъекте. Социальные и культурные пертурбации середины – второй половины XX в. возвращают внимание интеллектуалов к проблеме субъектности. В цифровых реалиях на статус субъектности претендуют актанты-нечеловеки. Это открывает новую веху в становлении проблематики субъектности и социального статуса субъекта.

8. Эпоха антропоцена является дискуссионным маркером, фиксирующим доминирование антропогенных сообществ на планете Земля. Результатом этой активности, среди прочего, выступает гонка вооружений, ставящая суще-

ствование человека и всей планеты под вопрос. Формирование и широкое распространение информационно-коммуникационных технологий также является консеквенцией антропоактивности. Вместе с человеком, который ориентировочно с эпохи Нового времени прочитывался как магистральный источник социальной активности, все большую значимость в оптике социального обретают агенты, акторы и актанты, не являющиеся человеком. Вместе с природой и различными ее явлениями призма социальной агентности применяется в понимании современной техники и технологий. Повседневные вещи и лабораторное оборудование могут быть интерпретированы как актанты в практиках по производству научного знания; вещь, также как и человек, может выступать посредником или проводником сети. Наряду с планом вещей и природных явлений в ряд агентов включают чуждые, принципиально иные человеческой природе сущности, в том числе, инопланетян. Кем бы ни был социальный актант, методологически важной становится настройка исследовательской оптики в фиксации перехода субъектности и актантности в цифровое.

9. В условиях массовизации “smart”-технологий цифровизуется спектр социальных практик (учеба, работа, товарно-денежные отношения); в формат цифры попадает социальный субъект и вся социальная среда. Аналитика аннотаций и полнотекстовых материалов из библиографической системы Mendeley продемонстрировала, что приставка «цифровой» добавляется к ряду поисковых запросов, «объект», «субъект», «агент», с 2014 г. Это демонстрирует то, что цифровое основательно проникло в контемпоральные социальные практики, но специфика представления цифрового в социальном не является транспарентной. В контексте размышлений о социальном субъекте, перешедшем в цифровую среду, актуализируются вопросы о статусе этого нового цифрового феномена и его связи с реальным носителем. С одной стороны, их связь разворачивается в манипулятивной логике, когда маркетологи и политтехнологи используют большие данные с целью «продажи» идеи или товара. С другой стороны, в XXI в. большие данные сосуществуют с социальными субъектами и институтами, обретают свое место в социальном. Понимание их исключительно в рамках консьюмеризма представляется унилатеральным.

10. Цифровой субъект, оформившийся из цифровых отпечатков и следов реального пользователя интернета, обретает определенную автономию в сети. Данное обстоятельство катализирует целый спектр социально-гуманитарных проблем, прежде всего, проблему идентичности. В исследовании доказывається, что в цифровом контексте некорректно говорить о тождестве человека со своим социальным образом, конкретной ролью или статусом. В философской оптике возможно говорить о дисперсии, рассеивании социального субъекта, совокупности продуцирующихся образов в информационном поле интернета. Это находит выражение в разных социальных феноменах, в том числе, в социальных связях и умной толпе. Однако вместе с открытием новых возможностей цифровая среда создает угрозы субъектности, которые связаны с анонимностью пользователя в интернете и приватностью его данных. Аргументировано, что цифровая идентичность в технологическом аспекте связана с увеличением

удельного веса информационных массивов и данных и актуальным изменением их статуса. В XXI в. в социальную борьбу за признание наравне с классическими субъектами вступили новые цифровые субъекты, не обязательно обладающие человеческой природой, что проблематизировано в авторской концепции цифровой идентичности.

11. В исторической ретроспективе и в настоящее время наблюдается интенсификация технико-технологического развития. Технологический уровень в становлении контемпорального общества классифицируется как четвертая промышленная революция. В самой природе технореволюции заложена возможность кардинального преобразования мира человека. В качестве иллюстрации такого преобразования выступает функция цифрового двойникования артефактов из физической реальности. Цифровой двойник отображает процесс соединения физического объекта и его виртуальной копии посредством идущих в обоих направлениях (из физического мира в виртуальный и обратно) информационных потоков. В результате процессы моделирования в промышленности или маркетинговой сфере выходят на новый уровень, изменяется качество конечного продукта, повышается его доступность на массовом рынке. Функция цифрового двойникования распространяется на человеческое тело. В медицинском контексте цифровой двойник также выстраивает новые горизонты по расширению возможностей в борьбе с болезнями и иными ограничениями в функционировании человеческого тела, но одновременно несет с собой определенные опасности. Ключевую опасность мы обнаруживаем в том, что человек подобно другим объектам предметного мира обретает качественно иной статус, становится «сгустком» информации, включается в информационный поток. Социальный субъект стремится оставить за собой право контролировать растущие в условиях двойникования потоки информации. Однако в условиях становления информацией подобное стремление может оказаться невыполнимым.

12. Одним из результатов четвертой промышленной революции является значительный рост технологических новаций на всех уровнях социальной структуры. Общество сталкивается с фактической неготовностью социальных институтов и персональных субъектов к принятию этих новаций и их абсорбции, т.е. внедрению и последующему их растворению в социальном. С целью осуществления искомой абсорбции необходимо провести работу, готовящую человека как атомарной социальной единицы к принятию, осознанию и встраиванию в свои практики технического и технологического нового. В современных исследовательских дискурсах образовательная «настройка» человека называется и комплексным развитием интеллекта, и «футуризацией» образования. Несмотря на разность концептов, в фокусе внимания находятся идентичность и субъектность обучающегося как ориентиры образовательного процесса. Значимым обстоятельством на сегодняшний день представляется подготовка человека как социального субъекта к актуальным и возможным технологическим трансформациям. Его цифровая идентичность конструируется на различных интернет-площадках, в электронной почте и мессенджерах, посредством воздействия контекстной рекламы, в социальных сетях. Однако открытым остается

вопрос о конструировании идентичностей актантов-нечеловеков. Нейросети и глубокое обучение все чаще демонстрируют возможности выхода за рамки четко понимаемых и заданных алгоритмов.

Теоретическая и практическая значимость работы. В диссертационном исследовании разработана концепция цифровой идентичности, которая представлена в двух ключевых режимах: в качестве особой самопрезентации человека и актантов-нечеловеков в сети интернет и в качестве вида социального и гуманитарного знания. Данная работа открывает новое направление в социальной философии, связанное с анализом идентичности социальных субъектов цифрового общества. Тем самым работа стимулирует рефлексию над новыми формами социальной субъектности в цифровых реалиях, способствует обновлению категориального аппарата социальной философии и углублению концептуального содержания теорий, которые посвящены цифровому этапу в социальной динамике. Предложенный диссертантом постантропологический и антропоморфический подходы в прочтении идентичностей актантов-нечеловеков могут быть применены к исследованию феномена социального признания в цифровом обществе.

Разработанная диссертантом трактовка идентичности социальных субъектов, в их числе актантов-нечеловеков, может углубляться и дополняться. Одним из направлений исследования выступает цифровая антропология, предполагающая проблематизацию фигуры цифрового субъекта и субъектности цифровых агентов по типу суперкомпьютеров и глубокого обучения. Это направление открывает перспективы практического характера в направлении построения диалогических отношений между классическим социальным субъектом и его неклассическими технологическими продолжателями. Результаты работы можно применить для разработки образовательных программ по цифровой грамотности, ориентированных на подготовку социальных субъектов к взаимодействию с актантами-нечеловеками.

Теоретические положения диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании курсов философии, философии науки и техники, социологии науки в вузах, а также для разработки специализированных курсов по проблематике социальной философии, цифрового общества, цифровой антропологии и социального проектирования, по вопросам STS и ANT.

Достоверность результатов диссертации подтверждается постановкой проблемы, определением предмета, позволяющим выявить и обозначить важнейшие характеристики объекта, определением цели и задач, на основании чего была предложена концепция цифровой идентичности, корректным использованием понятийно-категориального и терминологического аппарата, методологии философии и науки, большим объемом проанализированной научной и философской литературы по соответствующей проблематике.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования представлены и обсуждены на конгрессах и конференциях различного уровня: XXIV Всемирный философский конгресс (2018 г., Китай, г. Пекин), XV международная конференция по философской практике (2018 г.,

Мексика, г. Мехико), .) VIII Российский философский конгресс (Москва, 2022 г.); Третий Конгресс Русского общества истории и философии науки «После постпозитивизма» (Саратов, 2022 г.), XVIII и XIX Таврические философские чтения «Анахарсис» (Крым, 2022-2023 гг.), международная научная конференция «Философия науки и техники – российская перспектива» (Санкт-Петербург, 2022 г.), всероссийская научная конференция «Цифровизация общества: трансформация повседневных практик и исследовательских перспектив» (Москва, 2022 г.), международная научная конференция «Искусственный интеллект в современной гуманитаристике» (Саратов, 2023 г.).

Общее число публикаций по теме диссертации составляет 58, общим объемом около 36,5 п.л., в том числе 22 статьи в журналах, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, посвященных избранной проблеме исследования, 14 статей по теме диссертации в журналах, индексируемых в “Scopus” и “Web of Science”, 1 монография и главы в 2 коллективных монографиях .

Структура и объем диссертационной работы. Структура диссертационного исследования определена поставленными целью и задачами: состоит из введения, четырех глав, каждая из которых включает три параграфа, заключения и списка использованной литературы. Общий объем работы составляет 354 страницы. Список литературы включает 551 наименование, в том числе, 261 на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, обозначаются его объект и предмет, определяется степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи исследования, указывается его методологическая основа, характеризуется научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, определяется теоретическая и практическая значимость исследования.

Содержание каждой главы и параграфов диссертационного исследования посвящено последовательному решению поставленных задач.

В **главе 1** «**Методологические основания социально-философского анализа признания**» выведены на поверхность точки пересечения между темой интересубъективности, критической теорией, концепцией социального признания и феноменом социальной идентичности. Местом их своеобразного сочленения выступают идеи социальной борьбы и социального признания, которые, могут быть использованы в качестве фундамента в развитии критической теории в XXI в. Сквозь призму социального признания формируется видение и понимание человека как свободного субъекта социальных практик, кто, тем не менее, должен перманентно отстаивать свое право на то или иное социальное благо. В пределе, представляется возможным свести человека к субъекту, что с момента своего рождения стремится быть признанным Другим. Вместе с тем,

признание не является однополярным; его понимание строится исключительно в отношениях Я – Другой, будь то другой человек, группа или социальный институт. Сквозь призму признания проявляет себя идея интерсубъективности, согласно которой человек способен реализовать свою человеческую природу совместно с Другим, в ориентации на Другого, взаимодействии с ним и признании его как иного для себя, и тем не менее, свободного и самостоятельного субъекта. В цифровых условиях актуализируются вопросы об идентичности субъекта и его праве на признание, в том числе, в пространстве онлайн.

В параграфе 1.1. «Интерсубъективность в фокусе социально-философских концепций» представлена историко-философская динамика проблемы интерсубъективности. В научный оборот термин «интерсубъективность» вводит Э. Гуссерль в работе 1931 г. «Картезианские размышления». Интерсубъективность в феноменологической рамке можно прочесть как некое «окно», что открывает Я возможность увидеть и постигнуть объективный мир. Несмотря на разность подходов в понимании интерсубъективности, социальная теория А. Хоннета используется в работе в качестве ключевого теоретического основания. Это теория социальной борьбы, реализации субъектом социальных практик желаний, потребностей, и, прежде всего, потребности в социальном признании. Признание Я Другим (-и) базируется на трех основаниях: самоуверенность, самоуважение и самолюбие.

В параграфе 1.2. «Социальное признание: философская интерпретация» социальное признание дефиницировано как ориентир субъектности, который определяет направление формирования социальной идентичности субъекта. Признание есть одновременно индивидуальная и общественная потребность; субъект дезинтегрирован в социальном целом без признания Другим, но в то же время социального целое невозможно без готовности субъекта признавать Другого. В философской системе А. Хоннета социальное признание состоит из трех компонент, каждая из которых оформляется последовательно, с развитием субъекта и реализации им свободы и самостоятельности. Изначально в семье, затем в кругу друзей и духовно родственных других у субъекта формируется самоуверенность. Автономность субъекта, гарантом которой выступает закон, закреплена в самоуважении. Наконец, единение или кооперация с теми, с кем субъект разделяет целевые ориентиры, с кем у субъекта близкие ценности, презентированы в самолюбии. В трех «само» конструируются индивидуальное и социальное начала в субъекте. Признание не заключено в рамки антропологической проблематики, по своей природе оно социально. Тем не менее, всякий раз каждое из трех «само» реализуется индивидуальным субъектом. Механизм реализации субъектом своего Я философы традиционно разрабатывают в контексте проблематики социальной идентичности, когда субъект осмысливается одновременно как автономная и индивидуированная фигура, равная другим в среде равных себе.

В параграфе 1.3. «Идентичность как социальный феномен» утверждается тезис, согласно которому в ситуации современности обостряется т.н. парадокс идентичности. В числе прочего, он может быть выражен через сопостав-

ление идентичности человека с самоидентичностью вещи. Вещь онтологически самоидентична и не может быть тождественной другой, даже подобной вещи. С человеком дело обстоит куда сложнее: его «предикаты» всегда множественны. Он имеет имя, гражданство, место, профессию, интересы, убеждения и т.д., и может себя идентифицировать соответствующими маркерами. Каждый маркер всегда помечает ту или иную его грань. На социальном уровне определенные маркеры всегда находятся на поверхности (например, род деятельности или имя). Однако это не означает, что они достаточны для понимания самим человеком собственного Я.

Проблематика идентичности не является привилегией в размышлениях философов. Видение проблемы сквозь призму отдельных авторов не дает ее целостного понимания. Поэтому в параграфе результированы данные анализа по запросу «идентичность» в международной (scopus.com) и российской (elibrary.ru) базах данных. Данные по отраслям знания и по авторам публикаций демонстрируют то, что контекст, в котором фигурирует термин «идентичность», расширяется по смыслу. Сегодня речь идет не только об идентичности человека, группы или нации, но также об идентичности цифровых данных (кибербезопасность и криптология), о проблеме многочленов (алгебра, математика), о вопросах цифровой идентификации в контексте денежных цифровых операций (криптовалюты и блокчейн). Таким образом, техническая трансформация реальности, с одной стороны, формирует запрос на осмысление человеком новых феноменов и инструментов, что он встраивает в свое повседневное бытие; с другой стороны, проблематика идентичности выходит из непосредственно философского контекста и обретает новые технико-технологические рамки.

В главе 2 «**Медиа в социально-исторической ретроспективе**» представлена ретроспектива техники, от примитивных орудий в хозяйственных практиках человека до оружия, перекраивающего политическую карту мира и вообще определяющего политический курс стран с начала XX в. С одной стороны, это фокусирует взгляд на технику и технологии как то, что определяет общественное состояние и формирует векторы его развития. С другой стороны, в современных исследовательских практиках важно сохранять баланс между прочтением влияния техники на общество и одновременно влияния общества на динамику техники. По большому счету, это становится одним из ключевых исследовательских направлений в исследованиях науки и техники (STS). На рубеже XX-XXI столетий в кластере различных направлений и теорий STS получает развитие акторно-сетевая теория, находящаяся в смысловой близости с проблематикой исследований субъектности и идентичности. По большому счету, АСТ располагается на линии противостояния между технологическим и социальным детерминизмом. В то время, когда каждая из названных детерминистских установок фокусирует внимание на конкретной детерминанте в социальной динамике, АСТ сосредотачивает внимание на акторности и актантности нечеловеческих объектов в социальном. Материальные объекты более не пассивные; они являются акторами, т.е. наделены действующей силой.

В параграфе 2.1. «Медиатехнологии в контексте социальной динамики» техника дефиницирована как орудие, изобретенное человеком. Технологический детерминист М. Маклюэн развивает концепцию органопроекции в своей энтелехии, сосредоточив внимание на медиа как «расширителях» человека. Согласно его позиции, электронные медиатехнологии возможно понимать как медиум, средство общения. Они прошли становления от простейших звуковых сигналов к знакам на различных поверхностях (от наскальной живописи до современного алфавита) и, наконец, к электронному сигналу. Несмотря на противоречивость фигуры М. Маклюэна в среде теоретиков медиа, социально-эпистемической ценностью обладает тот взгляд на электронные медиа, согласно которому автор предлагает некую «ренессансную» призму, что, среди прочего, использована в концепции глобальной деревни. Ценность этого взгляда обусловлена тенденцией на все большее сближение пользователей современных коммуникационных технологий, которое вносит значительные коррективы в социальную ткань, трансформирует темпоральные практики, практики коммуникации, памяти и власти.

В параграфе 2.2. «Теоретические основы медиатизации» обосновывается, что в контексте трансформации медиумов, от книги к электрическому сигналу и Big Data, современные медиа изменили форму и качество интересу субъективного взаимодействия и вообще сам характер коммуникации, которая преодолела традиционные пространственные и временные ограничения. Утверждается, что в контемпоральных условиях под медиа, как правило, понимается среда, содержащая совокупность способов связи и взаимодействия субъектов социальных практик, вне зависимости от их местоположения. Медиа определяют характер коммуникации между социальными единицами; этим они воздействуют на конкретные социальные практики (в частности, практики труда или образования в дистанционном формате) и на общество в целом.

В XX в. философы проблематизировали вопрос о границе между реальным и виртуальным мирами. Их опасения, в самом общем смысле, сводились к тому, что медиаиндустрия поставила под вопрос целостность человеческой природы, традиционные способы восприятия и мышления, когнитивные способности и т.д. Теоретики медиа (А. Хепп, Н. Коулдри, С. Хьярвард, Й. ван Дийк и др.), в свою очередь, обозначили онтологические изменения в исследовательской парадигме медиа, когда медиа интерпретируются как необходимый посредник / медиатор коммуникации, позволяющий все в мире рассматривать сквозь призму медиации и медиатизации. В теории медиатизации Н. Коулдри и А. Хеппа медиа больше не являются безучастным посредником в коммуникации людей. Медиа инициируют количественные и качественные изменения в социальной жизни человека. Чтобы занять свое место в мире социальных практик, медиа прошли становление, которое авторы именуют «волнами медиатизации». С эволюцией медиа мир людей и их поведение в этом мире становятся более контролируемыми. Все это изменяет тип и форму коммуникации в обществе, трансформирует само общество. В этой теоретической рамке медиатизация является продолжением технологического детерминизма, его ме-

тодологическим развитием, формирующим основу новой парадигмы в социальной философии вообще и авторского подхода в прочтении проблемы идентичности, в частности.

В параграфе 2.3. «Цифровые технологии в социальной динамике медиа» в контексте социальной динамики были проанализированы цифровые технологии, которые в большей степени отвечают тематике исследования, интернет, большие данные и искусственный интеллект. Во второй половине XX в. наряду с концептуальными идеями технологического детерминизма развивается кластер идей, условно объединенных в рамках Science and Technology Studies. Технологический детерминизм специфицируется позиционированием техники в качестве движущей социальной силы. В свою очередь, STS устанавливает своеобразный «паритет» между техническим развитием и социальной динамикой; техника оказывает воздействие на общество в мере, равной той, в какой общество определяет векторы технологического развития. STS является тем направлением в исследованиях науки и техники, которое легализовало исследования цифровых технологий в академическом дискурсе. Аналитика российских научных публикаций по запросу «цифровые технологии» за последние пять лет приводит к соображению, согласно которому подавляющее большинство исследований посвящено образованию, обучению, повышению квалификации, формированию знаний, умений и навыков. Это неслучайно; в конце XX в. на социальные арены выходят высокотехнологические актанты и, прежде всего, интернет. Распространена точка зрения, согласно которой интеграция интернет-технологий в социальную ткань существенно изменила жизненный уклад партикулярных социальных субъектов и сообществ, повлияла на специфику коммуникационных процессов, трансформировала условия труда и отдыха, переформатировала рынок профессий. Одновременно с тем, что интернет формирует определенный мейнстрим, он выступает площадкой, на которой перманентно разворачиваются социальные тренды, актуальные темы и насущные проблемы, переформатирующие специфику технологий.

В главе 3 «От субъектности к агентности в цифровой среде» обосновывается тезис о переходе социального субъекта из оффлайна в онлайн. В цифровую эпоху в фокус внимания представителей из разных областей знания, от компьютерного программирования и маркетинга до политического анализа и социальной философии, попадают феномены из сферы больших данных, которые оформляются в границах субъектности. Исследовательская призма теоретиков социального деантропологизируется. В актуальном академическом дискурсе возможна калибровка антропоморфистской призмы в видении современного мира, которая позволит человеку понять и принять других социальных агентов, представителей инаковой природы.

В параграфе 3.1. «Субъектность в историко-философских дискурсах» представлена ретроспектива идеи субъектности в философской традиции. Утверждается, что человек получил статус субъекта еще в эпоху Нового времени. Ю. Хабермас зафиксировал своеобразное «угасание» субъекта во времена после модерна. Положение субъекта в науке, культуре, социально-

экономической и политической жизни еще со второй половины XIX в. стало все больше ставится под вопрос сначала отношениями социальных групп (классовое противостояние), затем нациями и народами (Первая и Вторая мировые войны), и, наконец, техникой и технологиями. Однако отечественные и зарубежные исследователи (Ф. Фукуяма, З. Бауман, Дж. Рид, М. Фуко, Х. Де Пристер, М. Уорк, Л. Блэкман, А.Н. Райков, Е.А. Попов) демонстрируют актуальность проблематики субъектности в различных социальных дискурсах. В некоторых работах ставится вопрос о правовой субъектности не-человеков. Например, С. Войчак при опоре на гражданское право Польши и Евросоюза утверждает, что с позиции правовой субъектности, искусственный интеллект встает в один ряд с животными и юридическими лицами, т.е. включается в иерархию сущностей, организованную по степени их сходства с людьми, и демонстрирует то, что сознание и разум не являются критериями правовой субъектности. В современном цифровом контексте, когда техника и технологии задают социальный ритм, размышления о субъектности проходят бок о бок с вопрошанием об акторах, агентах и актантах.

В параграфе 3.2. «Агент, актер, актант как новые дискурсивные фигуры» раскрывается проблема настройки исследовательского фокуса в направлениях видения и понимания человека, социума и внешнего мира в обозначенных ролях. С эпохи Просвещения фундаментом для социальной оптики выступала идея субъектности. В XXI в. на место субъекта претендуют множественные агенты, не обладающие человеческой природой. Помимо природы как таковой и организмов, ее населяющих, роли агентов сегодня выполняют техника и технологии, в том числе, цифровые технологии. По большому счету акторами, агентами и актантами являются все, включая человека. Сквозь социально-философскую призму интерес представляли те, кто выполняет активную, действующую роль в организации социального целого. В этом и состоит актуальная проблема социального субъекта: он больше не вписывается в дихотомию индивид / группа, а интегрируется в онтологически разнообразный ряд агентов, среди которых есть люди, нечеловеки и гибриды. С целью проследить развитие идеи агентности в социальных и гуманитарных дискурсах представлены концепции современных авторов, что реализуют свои исследования в рамках т.н. «квир»-тематики (постчеловек Р. Брайдотти, виды-компаньоны Д. Харауэй и А. Цин, агентность и интраактивность К. Барад, чужие С. Шавиро и А. Ветушинского, актанты сети Б. Латура и Дж. Ло, наличные / подручные инструменты Г. Хармана, индивиды М. Деланды или единицы Я. Богоста). Понимание человека, социума, природы и техники сквозь призму акторности / агентности / актантности уточняет исследовательскую оптику в контексте социальных и гуманитарных дискурсов о цифровом.

В параграфе 3.3. «Субъектность и агентность в контексте цифровой среды» утверждается, что с рубежа XIX-XX вв. в социально-гуманитарных дискурсах вопрос о человеке и его социальной идентичности претерпевает значительные трансформации. От покорителя природы и держателя мира человек оборачивается результатом социальных конвенций, продуктом социальных

конструкций и наравне с иными животными, представителями флоры и фауны, бактериологического и технического миров, – агентом социальных сетей. В идеи цифрового субъекта, например, утверждается его положение между социобиологическим аналогом и цифровыми данными. С одной стороны, реальный человек, с именем, телом, социальным статусом, создает свой аналог (в некоторых случаях – аналоги) в цифровой среде. В этом контексте именно реальный человек является автором, филиатором, обладателем своих цифровых «двойников». С другой стороны, попав в цифровую сеть, информация начинает функционировать по законам сети, а не по воле своего автора. В дело вступает новый, информационный, паноптикум, утонченные управленческие практики, что работают по принципу информационного контроля, не тюремного заключения.

В цифровом контексте происходит своего рода дисперсия человека. Результатом ее стало появление нового феномена, цифровых копий человека, цифрового субъекта. Цифровой субъект не является просто слепком, точной копией со своего реального носителя; он не отзеркаливает человека. Цифровой субъект – это некий информационный пул, обретающий субъектность в социальных и политических практиках. Идея цифрового субъекта может быть проиллюстрирована конструкцией идеального маркетингового субъекта, что был использован политтехнологами при подготовке референдума по выходу Великобритании из Европейского Союза в 2016 г. Сила убеждения оказалась не за реальными инфлюенсерами в этом кейсе, но за сконструированной маркетинговой фигурой, «мистером Джонсоном», который убежденно продвигал в сети «свою» позицию. При вхождении субъектности и агентности в цифровой контекст тонкая грань между ними еще больше истончается. С одной стороны, размышления о цифровом субъекте нужно разворачивать бок о бок с аналитикой больших данных. С другой стороны, в цифровую эпоху информационные (цифровой субъект) и технологические (искусственный интеллект) феномены обретают своего рода субъектность.

В главе 4 «Цифровая идентичность в эпоху "высоких" технологий» концепция цифровой идентичности представлена как постгуманистический вариант в понимании идентичности субъектов и актантов из мира цифры. Результатируются положения предшествующих глав, согласно которым техника и технологии задают определенные векторы в динамике социального. В цифровую эпоху помимо субъектов и предметов реального мира, человек все чаще контактирует с предметами и субъектами из мира виртуального. Это т.н. цифровые копии или отпечатки, проекции «живого». Наиболее яркая иллюстрация этих копий – цифровые двойники, которые сегодня наиболее широко представлены в сфере высокотехнологичного производства. В качестве эксплицитной утверждается проблема статуса цифрового субъекта, двойника или цифрового следа, которые все больше автономизируются от человека. В контемпоральном контексте на этот статус автономности, фактической самостоятельности и независимости от человека, все чаще претендуют интеллектуальные системы по типу

нейросетей и / или чат-ботов. Это демонстрирует практическую значимость концепции цифровой идентичности агентов-нечеловеков.

В параграфе 4.1. «Теоретико-методологические основания цифровой идентичности» представлена авторская концепция цифровой идентичности, согласно которой идентичность понимается как социально-технологический конструкт, который, с одной стороны, указывает на единство социального субъекта и его цифровых следов; с другой стороны, на растущую в цифровом контексте значимость социальных ролей актантов-нечеловеков. Со второй половины XX в. в дискурсах теоретиков медиа и философов-постмодернистов телевизор, а за ним компьютер прочитывались в ключе органопроекции как продолжение человека; они (медиаальные инструменты) словно множат и продлевают чувствительность человека, фиксируя его взор на виртуальных мирах. В 2012 г. М. Серр сравнивает девочек и мальчиков, которые выходят в интернет *hic et nunc* со своих мобильных устройств, с кефалофором Дионисием. В случае если они выходят из дома без телефона, вместе с гаджетом они оставляют свои головы, ибо в нем помимо информации из глобальной сети хранится конкретная информация об учебе, работе, контакты друзей и родственников. Поэтому современный человек фланирует между оффлайном и онлайн; в онлайн у него перешли работа, учеба, общение с друзьями, родственниками, покупки. В онлайн он оформляет свои *identities*. Например, у исследователя может быть персональная страница (-ы) в одной или нескольких социальных сетях, академический профайл (ResearchGate, Academia), страница на сайте организации-аффилиации, на портале социальных услуг и прочее. Некоторые данные пользователи интернета способны контролировать, т.к. они сами вносят их в сеть; другие данные выходят из-под контроля пользователей, т.к. механизм их попадания в сеть нетранспарентен (например, операции транзакции). Тем самым, сегодня в сети интернет из пула Big Data оформляются *identities*, которые «стартуют» от персональных данных конкретного пользователя, но дальше движутся по своей особой траектории, этим пользователем не контролируемой. Отечественные исследователи (Е.О. Труфанова, А.А. Лисенкова, С.И. Платонова, Ю.А. Чернавин) утверждают трансформацию феномена идентичности в цифровую эпоху. В числе прочего, эта трансформация связана с распространением форм публичной нарративизации субъектов социальных практик, с цифровизацией общества и последующей глобализацией информационного пространства. В этом контексте реальная идентичность может быть противопоставлена виртуальной, реальное Я – цифровому. Если в период т.н. “Web 1.0” человек «шел» в интернет, дабы на время освободиться от социальных ролей и масок, то сегодня у пользователя интернета нет права на анонимность. О том, кто он, этот пользователь, говорит сегодня практически все, от IP-адреса до финансовых счетов и официального аватара в социальной сети или на рабочей странице. Тотальную открытость пользователя в интернете можно проиллюстрировать шаржем с собаками: в 1990-х гг. никто не знал, что по ту сторону экрана с тобой общается собака; однако сегодня одна из собак ностальгически обращается к другой, было время, когда они не знали, что ты собака, но

сейчас ты должен вести себя именно как собака. Подобный перекоп в полюс тотального знания о пользователе лишает его права на приватность в интернете, сокращает пространства, в которых он может побыть наедине с собой, наделяет его тотальной ответственностью перед всем миром за все свои сообщения, «выкрики» в сети.

В контемпоральном интернете разворачивается социальная борьба; в определенном смысле целью этой борьбы остается социальный капитал, в котором на поверхности превалирует символическое (лайки, упоминания, репосты). Вариантами выражения социальной борьбы за признание в интернете являются собой т.н. цифровые формы репрезентации субъекта. По отношению к степени выражения субъектом себя в своих сообщениях определены две ключевые формы: клиповая и нарративная, содержательное наполнение каждой из которых составляют «выкрики» человека в сети. Однако в рамках нарративной идентичности в каждом «выкрике» звучит одна и та же, генерализующая, идея. Генерализующая идея есть квинтэссенция идентичности субъекта; выражение человеком своей ценностной позиции в мире, своего видения мира, принципов и приоритетов.

Цифра открывает новые возможности для презентации человеком своей идентичности. Указанная потенция представлена в теории слабых социальных связей М. Грановеттера. В разработке теории социолог обратился к сетевому анализу для установления логики между взаимодействиями, что реализуется на двух разных социальных уровнях, микро и макро. Направляя свое внимание на микровзаимодействия, он продемонстрировал связь между частным актором социальных процессов и макрофеноменами. Теория слабых социальных связей оптимально встраивается в цифровой контекст; благодаря полифункциональности и мобильности цифровых устройств для человека, погруженного в повседневные практики, открывается легкий и доступный путь в мир цифровой реальности. Также в цифровой контекст органично ложится идея толпы: с распространением мобильного интернета толпа как неуправляемая иррациональная социальная сила значительно поумнела, стало возможным то, что одноранговые социальные акторы создают сценарий и распространяют информацию о нем в среде виртуальных «френдов», которые реализуют этот сценарий. В социальных исследованиях интернета получила распространение идея «умной толпы» (Г. Рейнгольд). Умная толпа – это толпа созидательная, ее действия скоординированы, целенаправленны.

Вместе с динамикой в иллюстрациях про идентичность собаки мы наблюдаем динамику в смысловой рамке идентичности как таковой. Сам термин «идентичность», что был вынут из математического контекста, с приставкой «цифровая» словно возвращается в изначальный контекст. Только сегодня речь зачастую идет не об идентичности чисел, но идентичности больших информационных потоков, Big Data. В современном исследовательском поле утверждаются два вектора в исследованиях цифровой идентичности, юридический и математический; направления по каждому двигаются в сторону аналитики нормативной информации и цифровых отпечатков. Таким образом, раз-

мышления о цифровой идентичности вышли из антропологической рамки; это больше размышления не об идентичности человека, а информационных потоков об этом человеке.

В параграфе 4.2. «Проблематика референтно-проекционных отношений цифровых субъектов и цифровых двойников» в контексте четвертой технологической революции осмысливается феномен цифрового двойника, который в работе дефиницирован как продукт, информационный «слепок» о состоянии и свойствах своего физического аналога, и наделен потенцией к коррекции производственных и маркетинговых процессов на основе динамики получаемой и обрабатываемой им информации. Четвертая технологическая революция и Индустрия 4.0 несут в себе многообразие потенций в развитии человека и общества. Например, в контексте медицины они могут дать уникальные возможности по сохранению здоровья человека и профилактике заболеваний. Но одновременно они вовлекают человека, работника новой технологической индустрии, в качественно новые ситуации, по отношению к которым еще не выработаны рецепты адаптации. Также в условиях технологического детерминизма техника органично вписывается в социальную ткань, а человек выстраивает свои социальные практики, в числе прочего, в соответствии с негласными требованиями техники и технологий. Реализуются процессы появления новых технологий, их представление на массовом рынке и симультанное встраивание в социальные практики. Эти процессы сопровождаются спектром социальных вызовов; на одном краю спектра располагаются новые социальные игроки, среди которых особый интерес для данной работы представляют цифровой субъект и цифровой двойник, на другом – варианты кардинального преобразования социального. Социальный субъект должен быть готов к технологическим вызовам, обладать особыми навыками в конструировании своей цифровой идентичности.

В параграфе 4.3. «Практики конструирования и реализации цифровой идентичности» обозначены три варианта проектирования идентичностей социальных актантов, электронная почта и мессенджеры, контекстная реклама и социальные сети.

Полноценное присутствие в социальной среде сегодня требует от социального субъекта обладание даже не случайным, но явным цифровым следом. Из цифрового следа мы получаем сборный конструкт, который можно именовать «цифровым субъектом». Такой, цифровой, субъект имеет связь с реальным субъектом и социальными группами, однако его происхождение идеологическое. По своему назначению он несет некоторую идею, что склоняет реального субъекта к принятию именно такого, не другого решения.

Размышляя о практиках конструирования и реализации цифровой идентичности, нужно удерживать в уме некоторые значимые характеристики интернета: из элитарного пространства (требование технической грамотности – знание о и владение языками программирования – к пользователям сети) с применением подхода Web 2.0 интернет стал массовым, открытым и доступным для большинства; в этом зачастую открытом пространстве у каждого есть право го-

лоса, что реализуется авторизированным пользователем, не анонимом. Об этом свидетельствует поворот в исследовании эскапистских практик Е.О. Труфановой, где интернет представлен в двух регистрах: от места, куда пользователь интернета на рубеже XX-XXI вв. желает сбежать, до пространства, откуда пользователь интернета из XXI в. стремится убежать; одновременно с тем, что интернет может стать площадкой для громкого заявления субъекта о себе, он является пространством алгоритмизированных действий. Обозначенные черты указывают на неоднородность и многослойность пространства интернета. В определенном смысле сама сеть интернет становится новым полем для складок, порождающих дискурсы и смыслы. По этим складкам блуждают реальные социальные субъекты; в этих складках оформляются новые, цифровые, субъекты. Все они презентуют свои *identitas*, встраиваясь в борьбу за право занять свое место в контемпоральной социальной структуре.

При этом нужно удерживать в уме и то, что человека как классического социального субъекта, оформляющего сегодня свою цифровую идентичность, необходимо образовывать. Эта необходимость обусловлена тем, что электронные технологии повсеместно внедряются в классические социальные институты, в работу, учебу, контакты с близкими, а также в практики голосования и решения социальных вопросов. Все это воздействует на социального субъекта. В условно негативном сценарии он оказывается просто не готов к высокой динамике технологических трансформаций; его ответ – «футурофобия» (И.В. Бестужев-Лада), «ступор» (К. Шваб), т.е. фактическое неприятие новых технологий и неспособность к ним адаптироваться. Данное обстоятельство актуализирует спектр образовательных стратегий, которые направлены на подготовку обучающегося к будущему: футуризация образования (А.Д. Урсул, А.А. Дыдров), признания его субъектности (С.В. Борисов), в том числе, в практике субъектификации (Г. Биеста), поиске баланса между технократическими требованиями внешней среды и следованию традиционным устоям (Ю.А. Чернавин), а также адаптационных механизмов в условиях цифровых трансформаций в образовательном процессе (С.А. Храпов и Л.В. Баева). Однако открытым остается вопрос, что делать с теми конструктами, которые цифровой идентичностью обладают, а антропологической природой нет.

В **заключении** подведены итоги исследования. Утверждается, что на поверхность социальных и философских исследований выходят эвентуальные цифровые феномены, за которыми оказываются действия машинного алгоритма, утверждающего свою социальную субъектность. Проблематика цифровой идентичности, и шире – цифровой субъектности и даже социальной субъектности, выходит из антропологической рамки. Постулируется, что сегодня, чтобы адекватно оценивать социальное целое, в том числе, в его динамическом становлении, социальный философ способен перенастроить свою исследовательскую оптику с антропоцентристского на антропоморфический режим. Излагаются перспективы применения новой (де)антропологической концептуализации в социально-философских исследованиях цифрового.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, посвященных избранной проблеме исследования

в изданиях, отнесенных к категории К-1, К-2 и индексируемых в RSCI

1. Пеннер Р.В. Ab offline in online et retro offline: социально-философская интерпретация цифровой идентичности // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т.6. № 1. С. 6-15. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-1-6-15.
2. Пеннер Р.В. М. Маклюэн: между медиумом и медиатизацией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 277–281. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-277-281>.
3. Пеннер, Р.В. Интерсубъективность в социально-гуманитарных дискурсах / Р.В. Пеннер // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 1(471). – С. 48-52. – DOI 10.47475/1994-2796-2023-10106.
4. Пеннер, Р.В. Нормативное в цифровом / Р. В. Пеннер // Logos et Praxis. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 11-17. – DOI 10.15688/lp.jvolsu.2023.1.2. – EDN PFBKLP.
5. Дыдров, А.А., Пеннер, Р.В. Построение дискурса о цифровом как феномене информационной современности / А.А. Дыдров, Р.В. Пеннер // Социум и власть. – 2022. – № 3(93). – С. 114-126. – DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-114-126.
6. Пеннер, Р.В., Осипова, Л.Б. Цифровые варианты проектирования социальной идентичности / Р.В. Пеннер, Л.Б. Осипова // Социум и власть. – 2022. – № 4(94). – С. 7-15. – DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-07-15.
7. Пеннер, Р. В. От субъектности к агентности в социальных и гуманитарных дискурсах XXI века / Р. В. Пеннер // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 393-397. – DOI 10.18500/1819-7671-2022-22-4-393-397.
8. Пеннер, Р.В. Дистопия в мемах или мемы в дистопии? Размышления о цифровой культуре / Р.В. Пеннер // Цифровой учёный: лаборатория философа. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 49-56. – DOI 10.32326/2618-9267-2022-5-1-49-56.
9. Пеннер, Р. В. Цифровое пространство: от идеи к проекту и контролю / Р.В. Пеннер // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 11(457). – С. 11-15. – DOI 10.47475/1994-2796-2021-11102.
10. Пеннер, Р.В. Проблема персональной идентичности в современных отечественных и зарубежных философских исследованиях (на основе аналитики научных баз данных) / Р. В. Пеннер // Социум и власть. – 2021. – № 2(88). – С. 36-49. – DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-36-49.

11. Пеннер, Р.В. и др. Internet Studies в условиях пандемии (по материалам конференции "Internet beyond 2020") / В.О. Богданова, А. Н. Гулеватая, А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер // Социум и власть. – 2021. – № 3(89). – С. 89-101. – DOI 10.22394/1996-0522-2021-3-89-101.

12. Пеннер, Р.В. Идентичность в эпоху постмодерна: постановка проблемы / Р.В. Пеннер // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 5(439). – С. 68-73. – DOI 10.24411/1994-2796-2020-10509.

13. Пеннер, Р.В. "Технологии себя" в условиях самоизоляции / Р.В. Пеннер // Социум и власть. – 2020. – № 3(83). – С. 65-73. – DOI 10.22394/1996-0522-2020-3-65-73.

14. Пеннер, Р.В. Homo holistic или integrity of human's body: разница подходов в восприятии целостности бытия человека / Р. В. Пеннер // Социум и власть. – 2017. – № 1(63). – С. 119-124.

15. Миляева, Е.Г., Пеннер, Р.В. Философская практика и медиа: современный spectator как рефлексирующий onlooker продуктов медиакультуры / Е.Г. Миляева, Р.В. Пеннер // Социум и власть. – 2017. – № 5(67). – С. 134-139.

16. Пеннер, Р.В. De Re ad absurdum: проблема идентичности человека в феномене косплея (онтоантропологический анализ) / Р.В. Пеннер // Социум и власть. – 2016. – № 3(59). – С. 117-122.

17. Гладышев, В.И., Пеннер, Р.В. Культура общения в эпоху современных медиа / В.И. Гладышев, Р.В. Пеннер // Философия и культура. – 2016. – № 9(105). – С. 1268-1276. – DOI 10.7256/1999-2793.2016.9.19629.

18. Гредновская, Е.В., Пеннер, Р.В. Проблема подлинности существования человека в дискурсах экзистенциализма и постмодернизма / Е.В. Гредновская, Р.В. Пеннер // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 56-60.

19. Дыдров, А.А., Пеннер, Р.В. Свобода человека и человекоподобных существ (на материале фантастических литературных и аудиовизуальных произведений) / А. А. Дыдров, Р.В. Пеннер // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 1(33). – С. 87-91.

20. Дыдров, А.А., Пеннер, Р.В. Перверсия знака как атрибут идеологии(на примере аудиовизуального произведения "Изобретение лжи") / А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2013. – Т. 2, № 12. – С. 52-55. \

в изданиях, отнесенных к категории К-3

21. Пеннер, Р.В. "Camera lucida": новый комментарий к цифровому контенту / Р. В. Пеннер // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2022. – Т. 8 (74), № 4. – С. 72-81.

22. Пеннер, Р. В. Философия мультсериала: свобода и бегство от нее (в интерпретации создателей "South Park") / Р. В. Пеннер, А.А. Дыдров // Вестник Таджикского национального университета. – 2014. – № 3-9. – С. 128-131.

Монографии

23. Пеннер, Р. В. Картография цифрового: опыты философского понимания : монография / Р. В. Пеннер. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2023. — 246 с.
24. Пеннер, Р.В. Новое время – новый номадизм // Философия человека в контексте культуры. Человек и культура в современную эпоху перемен: кол. монография / В.С. Невелева, Н. В. Антонова, Н. Г. Апухтина [и др.] / Под редакцией В.С. Невелевой. – Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2021. – 223 с.— С. 63-82.
25. Пеннер, Р.В. Современный человек как номад XXI века: дрейф по Интернету // Философия и наука: методология научного поиска: кол. монография / Ю.О. Азарова, С.В. Анахов, М. Р. Арпентьева [и др.]– Екатеринбург: МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт), 2018. – 292 с. — С. 95-113.

Статьи в изданиях, входящих в базы данных Web of Science, Scopus

26. Гулеватая, А.Н., Пеннер, Р.В. Язык экзистенциального опыта в цифровую эпоху / А. Н. Гулеватая, Р. В. Пеннер // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 179-195. – DOI 10.46539/gmd.v5i1.324.
27. Dydrov, A.A., Penner, R.V. The problem of discourse in the context of digital routine / A. A. Dydrov, R. V. Penner // *Argumentos de Razon Tecnica*. – 2022. – No. 25. – P. 235-254. – DOI 10.12795/argumentos/2022.i25.07.
28. Способы медиатизации коллективной памяти в цифровом мире / Д.С. Артамонов, А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер, С. В. Тихонова // *Вопросы истории*. – 2022. – № 12-1. – С. 114-123. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi15.
29. Гладышев, В. И. Человек в сети: одиночество и общение / В.И. Гладышев, Е. Г. Милыева, Р. В. Пеннер // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. – 2022. – № 4(34). – С. 63-81. – DOI 10.23951/2312-7899-2022-4-63-81.
30. Gulevataya, A. N. Modern Stoicism at the XXI Century University / A.N. Gulevataya, E. G. Milyaeva, R. V. Penner // *European Journal of Contemporary Education*. – 2022. – Vol. 11, No. 3. – P. 746-759. – DOI 10.13187/ejced.2022.3.746.
31. Bogdanova, V. Philosophical diary and online marathon as contemporary formats of philosophical practice: Care of the self in the modern world / V. Bogdanova, E. Milyaeva, R. Penner // *Haser*. – 2021. – No. 12. – P. 47-74. – DOI 10.12795/HASER/2021.I12.02.
32. Пеннер, Р.В., Резвушкин, К.Е. Глубинная философия: опыт феноменологического исследования / Р. В. Пеннер, К. Е. Резвушкин // *Вестник Томского государственного университета*. – 2020. – № 455. – С. 53-58. – DOI 10.17223/15617793/455/8.
33. Implementation of Subject-Oriented Methods in the Educational Process of University (Quantitative Results of the Investigation): Case Study / E. M. Valeeva,

E. G. Milyaeva, R. V. Penner, E. G. Sosnovskih // European Journal of Contemporary Education. – 2020. – Vol. 9, No. 4. – P. 923-934. – DOI 10.13187/ejced.2020.4.923.

34. The light and the dark sides of the moon: Possibilities of Industry 4.0 for early non-invasive diagnosis of pathology and health-risks / M. V. Vasilieva, V. A. Glukhova, E. V. Grednovskaya [et al.] // Journal of Physics: Conference Series : electronic collection, St Petersburg, 02–05 июля 2019 года. Vol. 1379. – St Petersburg: IOP Publishing, 2019. – P. 012070. – DOI 10.1088/1742-6596/1379/1/012070.

35. Dydrov, A., Penner, R. XV ICPP: View from the outside and the inside / A. Dydrov, R. Penner // Haser. – 2019. – No. 10. – P. 123-142. – DOI 10.12795/HASER/2019.i10.05.

36. Dydrov, A., Milyaeva, E., Penner, R. Brand in the philosophical sense: From object to person / A. Dydrov, E. Milyaeva, R. Penner [et al.] // International Journal of Engineering and Technology (UAE). – 2018. – Vol. 7, No. 4. – P. 135-139. – DOI 10.14419/ijet.v7i4.38.24339.

37. Penner, R. The dialogue with the student as philosophical practice / R. Penner // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016: Conference Proceedings, Albena, Bulgaria, 24–30 августа 2016 года. Vol. 2. Book 3. – Albena, Bulgaria: Стеф 92 Технолоджи, 2016. – P. 879-884. – DOI 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.117.

38. Gladyshev, V., Penner, R. The problem of communication in Aristotle's ethical works and modernity / V. Gladyshev, R. Penner // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016 : Conference Proceedings, Albena, Bulgaria, 24–30 августа 2016 года. Vol. 2. Book 3. – Albena, Bulgaria: Стеф 92 Технолоджи, 2016. – P. 901-906. – DOI 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B32/S11.120.

39. Gladyshev, V., Penner, R., Kouznetsova A. Communication as a factor of achieving a holistic being in the age of networked media / V. Gladyshev, R. Penner, A. Kouznetsova // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. – 2016. – Vol. 8, No. 4. – P. 96-105. – DOI 10.21659/rupkatha.v8n4.11.

Публикации в других изданиях

40. Пеннер, Р.В. Цифровой субъект - миф цифровой эпохи / Р. В. Пеннер // Миф в истории, политике, культуре. Севастополь, 21–24 июня 2022 года / Под ред. А.В. Ставицкого. – Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2023. – С. 232-239.

41. Пеннер, Р. В. К проблеме идентичности в эпоху постмодерна / Р.В. Пеннер // Региональные культурные стратегии в современном мире. – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2023. – С. 62-68.

42. Рыбалко, М. Н., Пеннер, Р.В. Перспективы развития нейросетей в социологии, социологическом образовании и их влияние на общество / М.Н. Рыбалко, Р. В. Пеннер // Homo holistic: человек целостный "Homo digital": цифровая грамотность и экология цифровой среды: Сб. научных статей. Выпуск 11. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2023. – С. 152-158.

43. Пеннер, Р.В. и др. Цифровая грамотность как инструмент профилактики деструктивных практик в цифровой среде: по материалам региональной научно-практической конференции / Р.В. Пеннер, Е.И. Салганова, С.С. Бредихин, Е. В. Щетинина // Социум и власть. – 2023. – № 2(96). – С. 86-102. – DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-86-102.
44. Пеннер, Р.В. Кочевничество по империям интернета / Р. В. Пеннер // Учёные записки АГУ им. В. Н. Татищева. История. «Каспийский регион в имперском пространстве. К 350-летию со дня рождения Петра I Великого» – Астрахань: АГУ, 2022. – С. 270-272.
45. Пеннер, Р.В. Кочевничество в нетосе / Р.В. Пеннер // Культура и антикультура / Отв. редактор Л.Л. Мехришвили. – Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2022. – С. 323-327.
46. Дыдров, А.А., Пеннер, Р.В. Новые социальные актанты / А.А. Дыдров, Р. В. Пеннер // Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2022. – С. 44-49.
47. Дыдров, А.А., Пеннер, Р.В. Цифровой город: между фантазией и реальностью / А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер // Конструируя город: память о прошлом и проекты будущего: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 31 октября 2022 года / Под общей редакцией А.Д. Моисеева. – Воронеж: "Наука-Юнипресс", 2022. – С. 53-56.
48. Пеннер, Р. В. Роботы и другие социальные акторы в цифровую эпоху / Р. В. Пеннер, А. Н. Гулеватая // Региональные культурные стратегии в современном мире, Пермь, 28–29 апреля 2022 года. – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2022. – С. 58-61.
49. Пеннер, Р. В. Цифровая идентичность в ряду других идентичностей / Р. В. Пеннер // После постпозитивизма: материалы III Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки, Саратов, 08–10 сентября 2022 года. – Москва: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2022. – С. 737-739.
50. Пеннер, Р.В. К вопросу о цифровой философии / Р.В. Пеннер // Человек во власти цифры: мышление, знание, сознание / Под об. ред. В.Ю. Ефанова. – Москва: РГГУ, 2022. – С. 82-84.
51. Пеннер, Р.В. Цифровая философия и цифровая антропология: к проблеме философского вопрошания о цифровом / Р. В. Пеннер // Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации. Том I. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2022. – С. 178-181.
52. Дыдров, А. А., Пеннер, Р. В. Введение в цифровую философию / А.А. Дыдров, Р. В. Пеннер // Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира: Материалы VIII международной научной конференции, Челябинск, 19–21 октября 2021 года. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2021. – С. 24-29.
53. Дыдров, А. А., Пеннер, Р. В. Не множить сущее без необходимости: к вопросу о цифровой антропологии / А.А. Дыдров, Р.В. Пеннер // Научные

школы. Молодежь в науке и культуре XXI века – Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2021. – С. 26-29.

54. Дыдров, А. А. К проблеме реставрации традиционных ценностей и категорий науки / А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер, С. В. Тихонова // Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы - 2021. Этика как наука и профессия : Материалы конференции, Санкт-Петербург, 18–20 ноября 2021г.– Санкт-Петербург: ООО "Сборка", 2021. – С. 278-279.

55. Пеннер, Р.В. К проблеме идентичности в культуре информационной эпохи / Р.В. Пеннер // Наука ЮУрГУ. – Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2020. – С. 202-205.

56. Дыдров, А.А. Гуманитарная экспертиза: к вопросу о технологиях / А. А. Дыдров, Е. Г. Миляева, Р.В. Пеннер // Образование магистров: проблемы и перспективы развития. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2020. – С. 277-280.

57. Пеннер, Р.В. Беседа о философии: диалог как средство формирования идентичности студента / Р.В. Пеннер // Стратегические ориентиры современного образования: сборник научных статей, Екатеринбург, 05–06 ноября 2020 года. Часть 1. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. – С. 179-182. – DOI 10.26170/Kso-2020-55.

58. Пеннер, Р. В. От номада к паломнику и снова к номаду: философско-антропологический ракурс / Р. В. Пеннер // Семнадцатый Славянский научный сбор "Урал. Православие. Культура". Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании: материалы международной научно-практической конференции, Челябинск, 16–17 мая 2019 года / Составитель О.В. Терехова. – Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2019. – С. 320-326.